

В. АСТАФЬЕВ

Васюткино озеро

лучшие рассказы
О ЖИВОЙ
природе

с вопросами и ответами
для почемучек

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
БИОЛОГИЧЕСКИЙ

МУЗЕЙ

ИМ. Н. А. ТИМИРЯЗЕВА

РЕКОМЕНДУЕТ

Аванта

Лучшие рассказы о живой природе с
вопросами и ответами для почемучек

Виктор Астафьев

**Васюткино озеро.
Рассказы с вопросами и
ответами для почемучек**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-053.2: 373.3/4
ББК 84(2Рос=Рус)6+74.101

Астафьев В. П.

Васюткино озеро. Рассказы с вопросами и ответами для
почемучек / В. П. Астафьев — «АСТ», 2017 — (Лучшие
рассказы о живой природе с вопросами и ответами для
почемучек)

ISBN 978-5-17-099166-2

Все знают и любят замечательные произведения писателя
Виктора Петровича Астафьева. Его хрестоматийные повести и
рассказы, посвящённые суровой северной природе и людям Сибири
"Васюткино озеро", "Стрижонок Скрип", "Капалуха", "Белогрудка"
и многие другие представлять не надо: их проходят ещё в школе.
Наша книга подарит детям и взрослым уникальную возможность
— прочитать их с комментариями биолога, найти ответы на самые
частые вопросы и по-новому взглянуть на окружающий нас мир
природы!

УДК 821.161.1-053.2: 373.3/4
ББК 84(2Рос=Рус)6+74.101

ISBN 978-5-17-099166-2

© Астафьев В. П., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Стрижонок Скрип	6
Васюткино озеро	20
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктор Астафьев

Васюткино озеро. С вопросами и ответами для почемучек

Комментарии биолога – Пётр Михайлович Волцит

Художники Алёхина Н.И., Бастрыкин В.В., Вабищевич А.П., Воробьёв А.Г., Гордеева Е.А., Дмитриева Т.Н., Журавлёв Е.А., Зотова М.Г., Крускоп С.В., Куксина Н.В., Михаленко М.Е., Мосалов А.А., Николаева Е.И., Орехова М.В., Острошабов А.А., Полевод В.А., Проказина Т.С., Румянцева А.А., Станишевский Ю.А., Стахеев В.Ю., Тимоханов В.А., Филиппова Н.А., Шелкун Е.В., а также фотоматериалы, предоставленные фотобанком Shutterstock

© Астафьев В.П., насл., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Стрижонок Скрип

Стрижонок вылупился из яичка в тёмной норке и удивлённо пискнул. Ничего не было видно. Лишь далеко-далеко тускло мерцало пятнышко света. Стрижонок испугался этого света, плотнее приник к тёплой и мягкой маме-стрижихе. Она прижала его крылышком к себе. Он задремал, угревшись под крылом. Где-то шёл дождь, падали одна за другой капли. И стрижонку казалось, что это мама-стрижиха стучит клювом по скорлупе яйца. Она так же стучала, перед тем как выпустить его наружу.

Стрижонок проснулся оттого, что ему стало холодно. Он пошевелился и услышал, как вокруг него завопились и запищали голенькие стрижата, которых мама-стрижиха тоже выклевала из яиц. А самой мамы не было.

– **Скрип!** – позвал её стрижонок.

– Скрип! Скрип! Скрип! – повторили за ним братья и сёстры.

Видно, всем понравилось, что они научились звать маму, и они громче и дружнее запищали:

– Скрип! Скрип! Скрип!

И тут далёкое пятнышко света потухло. Стрижата притихли.

– Скрип! – послышалось издалика.

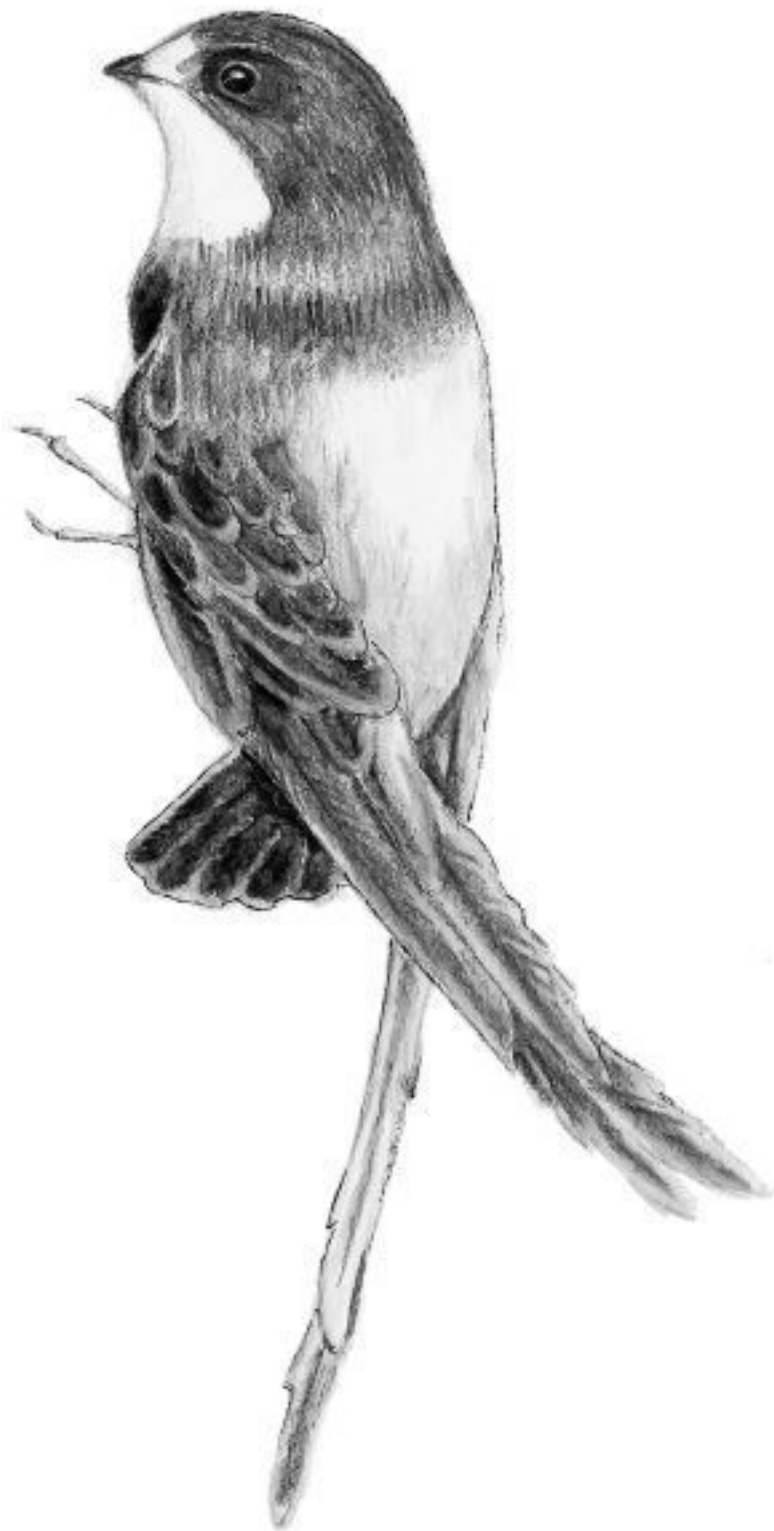
«Так это же мама прилетела!» – догадались стрижата и запищали веселей.

Мама принесла в клюве капельку дождя и отдала её Скрипу – первому стрижонку.

Какая это была вкусная капля! Стрижонок Скрип проглотил её и пожалел, что капля такая маленькая.

– Скрип! – сказал он. Ещё, мол, хочу.

– Скрип-скрип! – радостно ответила мама-стрижиха. Сейчас, дескать, сейчас. И опять её не стало. И опять стрижата тоскливо запищали. А первый стрижонок кричал громче всех. Ему очень уж понравилось, как **мама-стрижиха поила его из клюва**.

Иглохвостый стриж

И когда снова закрылся свет вдали, он что было духу закричал:

– Скрип! – и даже полез навстречу маме. Но тут же был откинут крылом на место, да так бесцеремонно, что чуть было кверху лапками не опрокинулся. И каплю вторую мамастрижиха отдала не ему, а другому стрижонку.

Обидно. Примолк стрижонок Скрип, рассердился на маму и братьев с сестрёнками, которые тоже, оказывается, хотели есть. Когда мама принесла мошку и отдала её другому стрижонку, Скрип попытался отнять её. Тогда мама-стрижиха так долбанула Скрипа клювом по голове, что у него пропала всякая охота отбирать еду у других.

Понял стрижонок, какая у них серьёзная и **строгая мама**. Её не разжалобишь писком.

Так начал жизнь в норке стрижонок Скрип вместе с братьями и сёстрами.

Таких норок в глиняном берегу над рекой было очень много. В каждой норке жили стрижата. И были у них папы и мамы. А вот у стрижонок Скрипа папы не было. Его сшибли из рогатки мальчишки. Он упал в воду, и его унесло куда-то. Конечно, стрижата не знали об этом.

Маме-стрижихе **было очень тяжело одной прокормить детей**. Но она была хорошая мать. С рассвета и до вечера носилась она над берегом и водой, схватывала на лету мошек, комариков, дождевые капли. Приносила их детям. А мальчишки, сидевшие с удочками на берегу, думали, что стрижиха и все стрижи играют над рекой.

Стрижонок Скрип подрос. У него появились перья, и ему всё время хотелось есть. Иногда ему удавалось отобрать у братца или сестрёнки мошку, и тогда они жалобно и недовольно пищали. За это Скрипу попадало от мамы-стрижихи. Но ему так хотелось есть, так хотелось есть!

А ещё ему хотелось выглянуть из норки и посмотреть, что же оно там такое, дальше этого пятнышка света, откуда мама-стрижиха приносит еду и ветряные запахи на крыльях.

Пополз стрижонок Скрип. И чем дальше он полз, перебирая слабыми лапками, тем больше и ярче делался свет.

Боязно!

Но Скрип был храбрый стрижонок, он полз и полз.

Наверное, он выпал бы из норки и разбился, как разбиваются такие вот неразумные птенцы. Но тут появилась мама-стрижиха, схватила его, уволокла в глубь норки – и раз-раз его клювом по голове. Сказала сердито:

– Скрип-скрип! – и ещё по голове, и ещё по голове.

Очень рассердилась мама-стрижиха, очень сильно била Скрипа. Должно быть, там, **за норкой**, опасно, раз мама-стрижиха так волнуется. Конечно, откуда Скрипу было знать, сколько врагов у маленьких проворных стрижей!

Сидит на вершине берёзы **страшный быстрый сокол** и подстерегает их. Скоком-прыгом подходит к норкам клюватая ворона. Тихо ползёт меж камней чёрная гадюка.

Сокол-чеглок

Побольше подрос Скрип, догадываться об этом стал. Ему делалось жутко, когда там, за норкой, раздавалось пронзительное «тиу!». Тогда мама-стрижиха бросала всё, даже мошку или каплю воды, и, тоже крикнув грозное «тиу!», мчалась из норки.

И все стрижи с криком «тиу!» высыпали из норок и набрасывались на врага. Пусть этот враг хоть сокол, хоть коршун, хоть кто, пусть он хоть в сто раз больше стрижей, они всё равно не боялись его. Дружно налетали стрижи, все как один. Коршун и ворона скорей-скорей убирались в лес, а гадюка пряталась под камень и со страху шипела.

Однажды мама-стрижиха вылетела на битву с врагом – разбойником соколом.

Сокол был не только быстрым, но и хитрым. Он сделал вид, что отступает. **Вожак стрижей** – Белое брюшко – дал отбой, крикнув победоносное «тиу!». Но мама-стрижиха ещё гналась за соколом, чтобы уж навсегда отвадить его летать к стрижиным норкам.

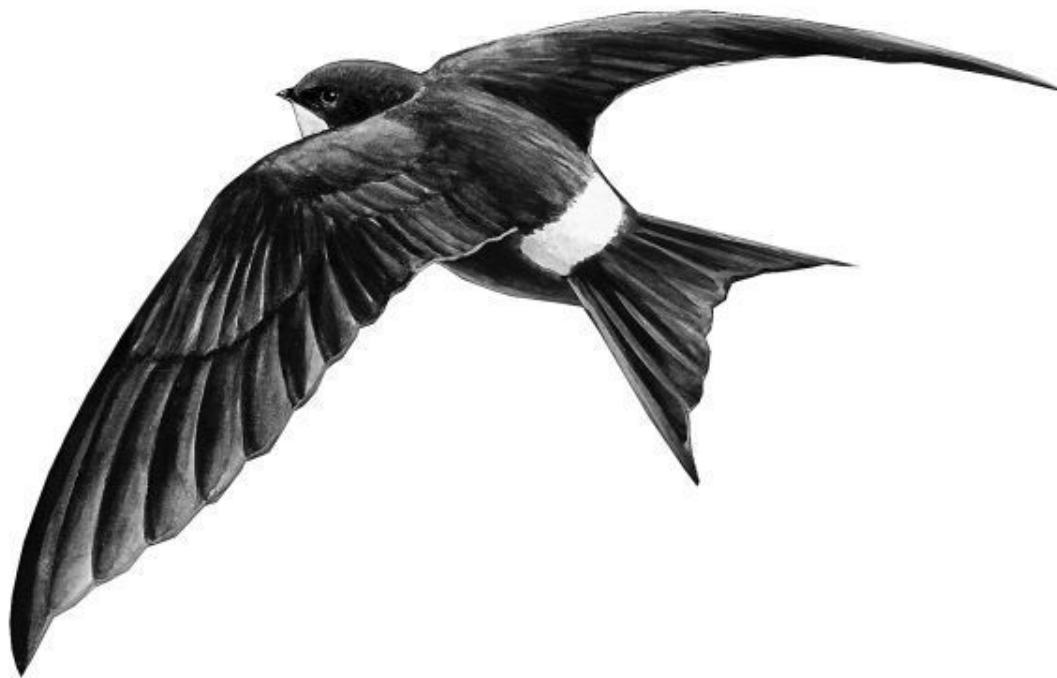
Тут сокол круто развернулся, ударил маму-стрижиху и унёс в когтях. Только щепотка перьев кружилась в воздухе. Перья упали в воду, и их унесло...

Долго ждал стрижонок Скрип маму. Он звал её. И братцы и сестрёнки тоже звали. Мама-стрижиха не появлялась, не приносила еду.

Потускнело пятнышко света. Настала ночь. Утихло всё на реке. Утихли стрижи и стрижата, пригретые папами и мамами. И только Скрип был с братьями и сёстрами без мамы.

Сбились в кучу стрижата. Холодно без мамы, голодно. Видно, пропадать придётся.

Но Скрип ещё не знал, какой **дружный народ стрижи!** Ночью к ним нырнул вожак – Белое брюшко, пощекотал птенцов клювом, обнял их крыльями, и они пригrelись, уснули. А когда рассвело, в норку к Скрипу наведлась соседка-стрижиха и принесла большого комара. Потом залетали ещё стрижи и стрижихи и приносили еду и капли воды. А на ночь к осиротевшим стрижатам снова прилетел вожак Белое брюшко.

Выросли стрижата. Не пропали. Пришла пора покидать им родную норку, как говорят, становиться на крыло – самим добывать себе пищу и строить свой дом.

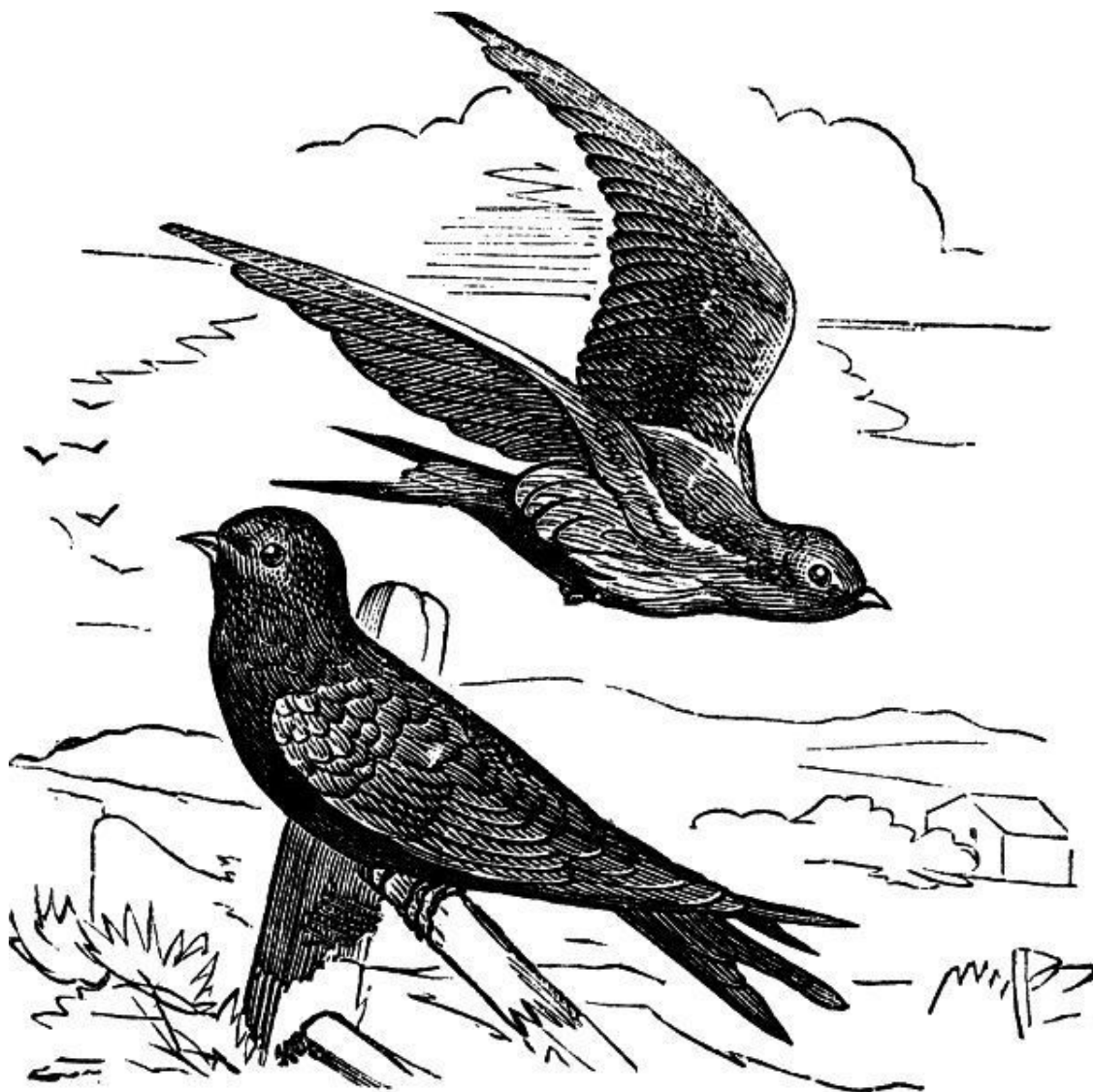
Это было радостно и жутко!

Скрип помнит, как появился в норке вожак Белое брюшко. Вместо того чтобы дать ему мошку или капельку, он ухватил Скрипа за шиворот и поволок из норки. Скрип упирался, пищал. Белое брюшко не обращал внимания на писк Скрипа, подтащил его к устью норки и вытолкнул наружу.

Ну что было делать Скрипу! Не падать же! **Он растопырил крылья и... полетел!** И тут на него набросились все стрижи, старые и молодые. Все-все! И погнали его от норки всей стаей навстречу ветру, навстречу ослепительному солнцу.

– Скрип! Скрип! – испуганно закричал стрижонок, захлебнувшись ветром, и увидел под собою воду. – Скрип! Скрип! «А если я упаду?» – с ужасом подумал он.

Но стрижи не давали ему упасть. Они гоняли его кругами над водой, над берегом, над лесом.

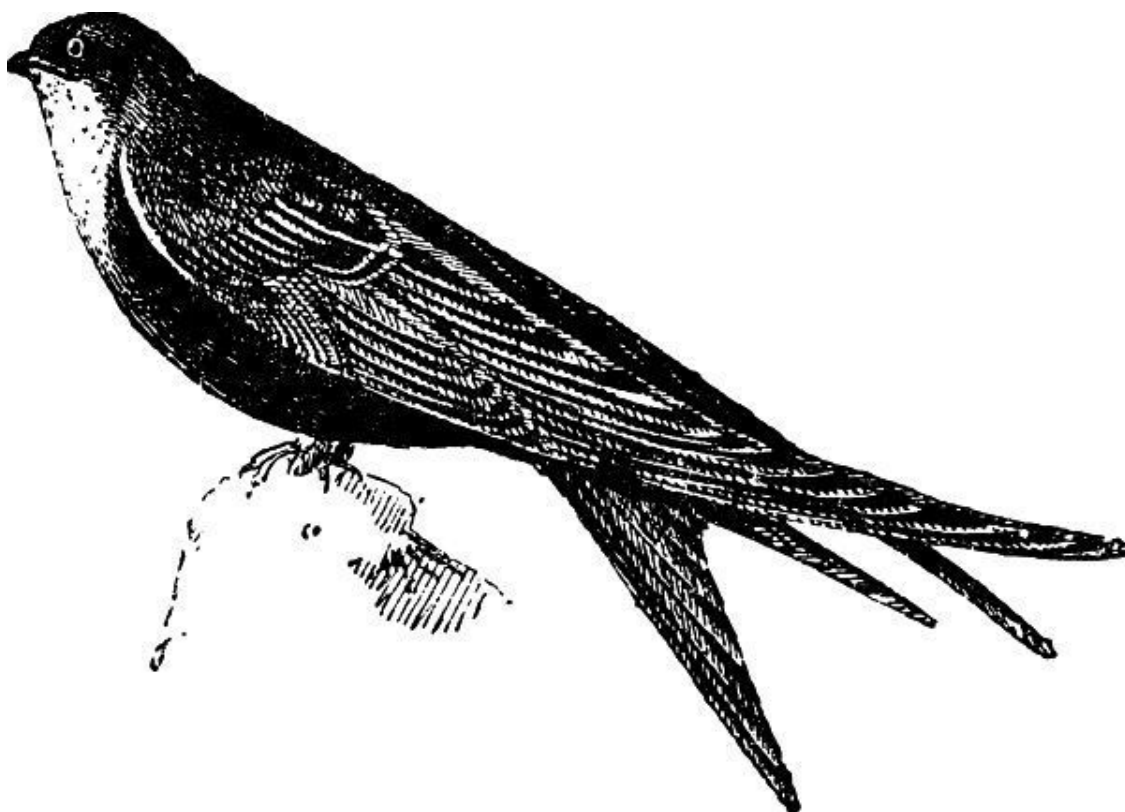
Потом крики стрижей остались позади. Свист крыльев и гомон птичий угасли. И тут стрижонок Скрип с удивлением увидел, что он уже сам, один, летает над рекой! И от этого сделалось так радостно, что он взмыл высоко-высоко и крикнул оттуда солнцу, реке, всему миру: «Скрип!» – и закружился, закружился над рекой, над берегом, над лесом. Даже в облако один раз залетел. Но там ему не понравилось – темновато и одиноко. Он спикировал вниз и заскользил над водою, чуть не касаясь её брюшком.

Хорошо жить! Хорошо, когда сам умеешь летать! Скрип! Скрип!

А потом Скрип и сам стал помогать стрижам – вытаскивал из норок стрижат и тоже гнал их над рекой вместе со всеми стрижами и кричал:

– Скрип! Скрип! Держи его! Догоняй!..

И ему было весело смотреть, как метались и заполошно кричали молоденькие стрижата, обретая полёт, вечный полёт!

Скрип много съел в этот день мошек, много выпил воды. Ел и пил он жадно, потому что стрижи всегда в движении, всегда в полёте. И оттого надо им всё время есть, всё время пить. Но день кончился. Он ещё раз **плюхнулся белым брюшком на воду, схватил капельку воды**, отряхнулся и поспешил к своей норке. Но найти её не смог. Ведь снаружи он никогда не видел свою норку, а сейчас все норки казались ему одинаковыми. **Норок много, разве их различишь?**

Скрип сунулся в одну норку – не пускают, в другую – не пускают. Все стрижиные дома заняты. Что же делать? Не ночевать же на берегу? На берегу страшно. В норке лучше.

И Скрип начал делать свою норку. Выскребал глину остренькими когтями, выклёвывал её и уносил к воде, снова возвратился к яру и опять клевал, скрёб, а в землю подался чуть-чуть.

Устал Скрип, есть захотел и решил, что такой норки ему вполне хватит. Он немного покормился над рекой и завалился спать в свою совсем ещё не глубокую норку.

Неподалёку рыбачили мальчишки. Они пришли к стрижиному яру. Один мальчишка засунул руку в норку и вынул Скрипа. Что только пережил Скрип, пока его держали в руках и поглаживали, как ему казалось, громадными пальцами!

Но ничего попались ребятишки, хорошие, выпустили Скрипа. Он полетел над рекой и со страху крикнул:

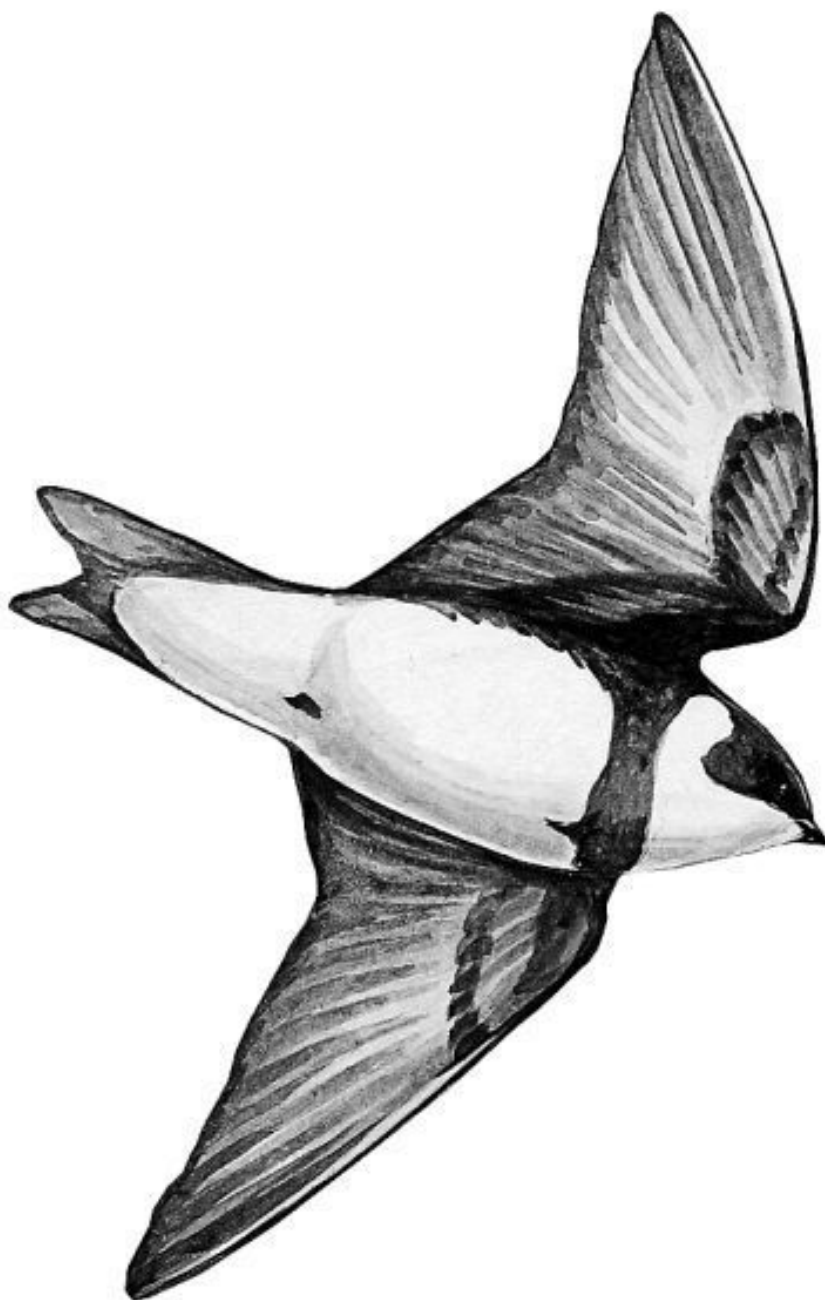
– Тиу!

Все стрижи высыпали из норок, глядят – никого нет. Ребятишки уже ушли, сокол не летает. Чуть было не побили стрижи Скрипа, но пожалели – молодой ещё.

Тут понял Скрип, что в маленькой норке не житьё, и **принялся снова работать**. Он так много раз подлетал к своей норке, чтобы унести глину, так пробивался в глубь яра, что норку эту отличал уже ото всех.

Как-то опять пришли мальчишки, засунули руку, чтобы вытащить Скрипа, а достать не могут. Скрип вертел головою и, должно быть, насмешливо думал: «Шалишь, братцы мальчишки! И вообще совесть надо иметь!»

Хорошо, спокойно жилось в своей норке. Теперь Скрип наедался и напивался досыта, сделался стремительным, сильным. Но вот отчего-то сделались беспокойными стрижи. Они почти не находились в норках, а всё летали, кружились, **лепились на проводах** и часами сидели молча, прижавшись один к одному. А потом с визгом рассыпались в разные стороны, присаживались к осенним лужам, заботливо клевали глину и снова сбивались в стаи, и снова тревожно кружились. Эта тревога передалась и Скрипу. Он стал ждать, сам не зная чего, и в конце августа, на рассвете, вдруг услышал призывный голос вожака Белое брюшко.

– Тиу! – крикнул вожак. В голосе его на этот раз не было угрозы. Он звал в отлёт. Взмыл Скрип и видит: всё небо клубится. Тучи стрижей летят к горизонту.

– Тиу! – звал вожак. И стайка Скрипа помчалась вдаль, смешалась с другими стаями. Стрижей было так много, что они почти заслонили собой разгорающуюся в небе зарю.

– Скрип! Скрип! – тревожно и тоскливо кричали стрижи, прощаясь до следующего лета с родным краем.

– Скрип! До свидания! – крикнул и стрижонок Скрип и помчался за леса, за горы, за край земли.

– До свидания, Скрип! До свидания! Прилетай в свою норку! – кричали вслед Скрипу мальчишки-рыбаки.

Стрижи **улетают в одну ночь** и уносят с собою лето. Прилетают они тоже в одну ночь и приносят с собою лето.

Скучно без стрижей на реке. Чего-то не хватает.

Где ты, маленький Скрип? **В каких краях и странах?** Возвращайся скорее! Приноси нам на крыльях лето!

* * *

Кто такой стриж?

Стрижи – быстро летающие птицы с длинными крыльями, изогнутыми в виде полумесяца или серпа. Вся жизнь стрижа проходит в воздухе: в полёте он ловит насекомых своим широким ртом, похожим на сачок, в полёте пьёт, зачерпывая клювом воду, в полёте собирает пёрышки для гнезда. Даже спит стриж в воздухе: заберётся повыше и, планируя по широкому кругу, успевает немного поспать.

Стрижи скрипят? Почему они не поют?

Как таковой песни – то есть брачного сигнала самца, которым он привлекает самку и отпугивает соперников от занятой территории, – у стрижей нет. Нет у них и конфликтов за территорию: в небе всем места хватит, а место для гнезда добывается, видимо, в молчаливом, но жестоком бою. Единственный звук, который умеют издавать стрижи, – это действительно высокие пронзительные скрипы. Зато «скрипят» они часто и помногу: над колонией всё время разносятся эти радостные звуки.

Почему мама-стрижиха поила, а не кормила стрижат?

Птенцам нужна и пища, и вода. Мать не может приносить и то и другое одновременно, поэтому в этот раз принесла воду.

Почему мама так строга к Скрипу?

Честно говоря, обычно равномерное распределение воды и корма между птенцами достигается иным способом. Наевшийся птенец на некоторое время затихает, а оголодавшие, напротив, активно расталкивают братьев-сестёр, занимая место поближе к входу в гнездо. И родители, прилетая с кормом или водой, просто кормят того, кто встречает их первым.

Может ли один родитель прокормить птенцов?

Конечно, в норме у стрижей выкармливанием потомства занимаются оба родителя. Но если что-то случается, самка может справиться и сама. Бывает, что один из родителей сам перестаёт кормить птенцов за несколько дней до их вылета. Для успешного выкармливания потомства стрижам нужно, чтобы погода была хорошей: сухой и тёплой. В такую погоду в воздухе парит множество мелких насекомых, которых и ловят стрижи. Если погода портится, стрижата могут на несколько дней впасть в оцепенение.

Почему стрижи живут в норках?

Наши чёрные стрижи гнездятся не только в норках, они могут поселиться и в скворечниках, и в дуплах деревьев, и в трещинах скал. В городе они часто селятся под отставшим листом кровельного железа, на чердаках и тому подобных местах. В эти укрытия стрижи наносят собранный в воздухе материал и склеивают его слюной в подобие гнёздышка, куда и откладывают яйца. А стрижи-саланганы из тропической Азии строят гнёзда на скалах просто из... слюны!

Неужели сокол может догнать стрижа?

Стрижи летают очень быстро, но и соколы тоже – признанные мастера полёта. Сложив крылья и пикируя на летящую птицу, сокол развивает огромную скорость. Впрочем, именно на стрижей охотится в основном только один вид соколов: чеглок. Но зато стрижи для него – основная, самая главная добыча.

У стаи стрижей есть вожак?

Не у всякой стаи животных есть явный и постоянный вожак, а у некоторых вожака нет и вовсе. Колонии стрижей вожак не нужен: они не устраивают загонные охоты, как волки, не воюют с соседями за территорию, как шимпанзе, им не нужно уметь находить водопой среди пустыни, как слонам. Когда стрижи слетаются прогнать хищника, может показаться, что у них есть «главный», но это просто более активный (или более крикливый) стриж.

Неужели стрижи такие дружные?

Увы, нет – такими дружными они бывают только в сказках. В действительности стрижат выкармливают только собственные родители. И кстати, один комар для стришонка – это примерно как крошка хлеба для человека. Чтобы накормить стришонка, комаров нужно ловить сотнями и тысячами. Выкармливая стрижат в неволе, люди буквально сбиваются с ног, ловя насекомых, – так много едят птенцы.

Как птицы учатся летать?

Основные движения, нужные для полёта, заложены у птиц в инстинкте, так что учиться махать крыльями им не нужно. Скорее, им нужно преодолеть страх перед непривычным, решиться вылететь из гнезда, из которого они ещё никогда в жизни не выходили. Часто птенцов к этому действительно подталкивают родители – не вытаскивают за шиворот, конечно, а просто не дают корм, пока птенец не покинет гнездо.

Как стрижи не давали Скрипу упасть?

Стрижатам, вылетевшим из гнезда, «не даёт упасть» инстинкт: если птица боится падения, она просто начинает махать крыльями сильнее, и сразу поднимается выше.

Как стрижи пьют с воды?

Стрижи пьют, пролетая так низко над водой, что им удаётся зачерпнуть воду подклювьем (нижней частью клюва). При этом обычно они не задевают воду брюшком, оставаясь совершенно сухими.

Как стрижи различают свою норку?

Стрижи-родители в период размножения запоминают расположение своей норы, дупла, скворечника, щели под крышей и т. д. После того как стрижата вылетят из гнезда, стрижи могут ещё некоторое время возвращаться в норки, но это не обязательно. Как мы уже говорили, стрижи даже спать умудряются в воздухе, так что «дом» им не нужен, их дом – небо.

Как стрижи делают норки?

В жизни, а не в сказке, никак. У стрижей слишком слабые клювик и лапки, чтобы выкопать нору в песчаном или глинистом обрыве. Но они могут занять брошенные прошлогодние норы ласточек-береговушек (или выгнать береговушек из родной норы). Береговушки действительно способны сами вырыть норы: клювом и лапками – в частности, потому, что им легче сидеть, и они крепче держатся за опору (см. следующую страницу).

Что значит «лепились на проводах»?

Лепились – значит, сидели, тесно прижавшись друг к другу. Однако стрижи так не сидят: они не могут сидеть ни на ветках, ни на проводах, только на вертикальных поверх-

ностях, цепляясь когтями за неровности. На проводах сидят ласточки, с которыми их часто путают, но которым они совершенно не родственны.

Почему стрижи улетают в одну ночь?

«В одну ночь» – это, конечно, преувеличение, пролёт стрижей довольно растянут во времени. Но большая часть птиц, действительно, отлетает почти одновременно: когда количество насекомых в воздухе упадёт ниже критического уровня и станет невыгодно ловить их клювом-сачком. Обычно в центральных областях России это происходит в первой половине августа.

Куда улетают стрижи зимовать?

Чёрный стриж зимует на юге Африки (когда у нас зима, там как раз лето). Иглохвостый и белопоясный стрижи, которые водятся в Сибири, зимуют в Австралии и Юго-Восточной Азии (правда, они не гнездятся в норах береговушек, а только в дуплах или трещинах скал и зданий). Если же автор имел в виду именно ласточек, то они зимуют в Африке (европейская и западносибирская популяции) или в Юго-Восточной Азии (дальневосточная популяция).

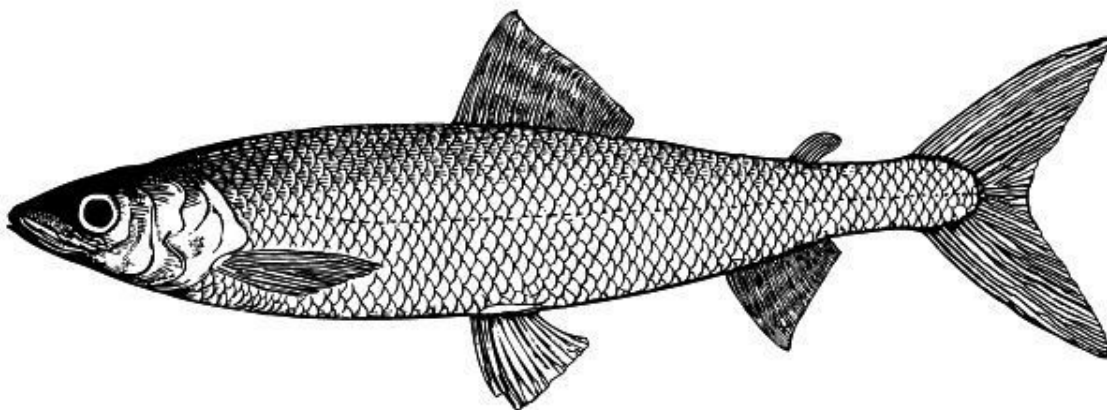
Васюткино озеро

Это озеро не отыщешь на карте. Небольшое оно. Небольшое, зато памятное для Васютки. Ещё бы! Мала ли честь для тринадцатилетнего мальчишки – озеро, названное его именем! Пускай оно и не велико, не то что, скажем, Байкал, но Васютка сам нашёл его и людям показал. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что все озёра уже известны и что у каждого есть своё название. Много ещё, очень много в нашей стране **безымянных озёр и речек**, потому что велика наша Родина, и сколько по ней ни броди, всё будешь находить что-нибудь новое, интересное.

Рыбаки из бригады Григория Афанасьевича Шадрина – Васюткиного отца – совсем было приуныли. Частые осенние дожди вспучили реку, вода в ней поднялась, и рыба стала плохо ловиться: ушла на глубину.

Холодная изморозь и тёмные волны на реке нагоняли тоску. Не хотелось даже выходить на улицу, не то что выплывать на реку. Заспались рыбаки, расслодели от безделья, даже шутить перестали. Но вот подул с юга тёплый ветер и точно разгладил лица людей. Заскользили по реке лодки с упругими парусами. Ниже и ниже по Енисею спускалась бригада. Но уловы по-прежнему были малы.

– Нету нам нынче фарту, – ворчал Васюткин дедушка Афанасий. – Оскудел батюшко Енисей. Раньше жили, как Бог прикажет, и рыба тучами ходила. А теперь пароходы да моторки всю живность распугали. Придёт время – ерши да пескари и те переведутся, а об **омуле**, стерляди и осетре только в книжках будут читать.

Спорить с дедушкой – дело бесполезное, потому никто с ним не связывался. Далеко ушли рыбаки в низовье Енисея и наконец остановились. Лодки вытащили на берег, багаж унесли в избушку, построенную несколько лет назад учёной экспедицией.

Григорий Афанасьевич, в высоких резиновых сапогах с отвёрнутыми голенищами и в сером дождевике, ходил по берегу и отдавал распоряжения.

Васютка всегда немного робел перед большим, неразговорчивым отцом, хотя тот никогда его не обижал.

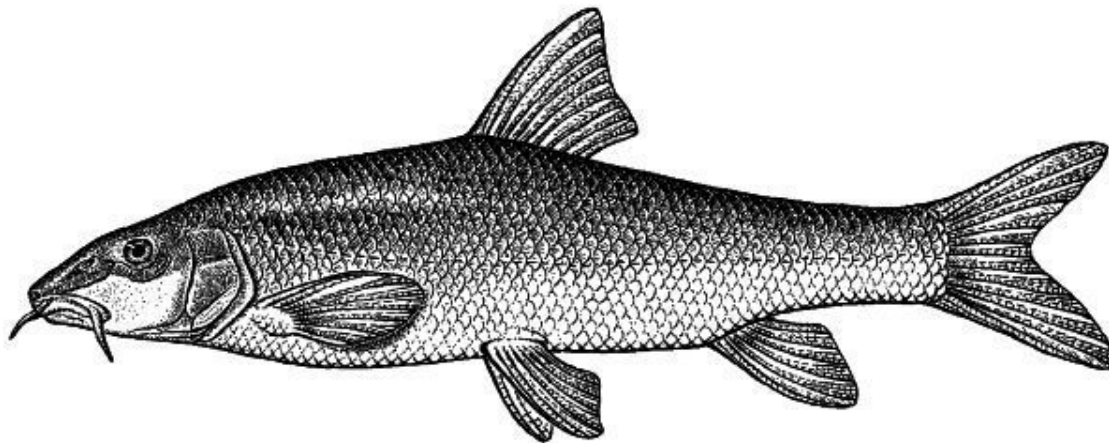
– Шабаш, ребята! – сказал Григорий Афанасьевич, когда разгрузка закончилась. – Больше кочевать не будем. Так, без толку, можно и до **Карского моря** дойти.

Он обошёл вокруг избушки, зачем-то потрогал рукой углы и полез на чердак, подправил съехавшие в сторону пластушины корья на крыше. Спустившись по дряхлой лестнице, он тщательно отряхнул штаны, высморкался и разъяснил рыбакам, что избушка подходящая, что в ней можно спокойно ждать осеннюю путину, а пока вести промысел паромами и перемётами. Лодки же, невода, плавные сети и всю прочую снасть надобно как следует подготовить к большому ходу рыбы. Потянулись однообразные дни. Рыбаки чинили невода, конопатили лодки, изготавливали якорницы, вязали, смолили.

Раз в сутки они проверяли перемёты и спаренные сети – паромы, которые ставили вдали от берега.

Рыба в эти ловушки попадала ценная: осётр, стерлядь, таймень, частенько **налим**, или, как его в шутку называли в Сибири, **поселенец**. Но это спокойный лов. Нет в нём азарта, лихости и того хорошего, трудового веселья, которое так и рвётся наружу из мужиков, когда они полукилометровым неводом за одну тоню вытаскивают рыбы по несколько центнеров.

Совсем скучное житьё началось у Васютки. Поиграть не с кем – нет товарищей, сходить некуда. Одно утешало: скоро начнётся учебный год, и мать с отцом отправят его в деревню. Дядя Коляда, старшина **рыбосборочного бота**, уже учебники новые из города привёз. Днём Васютка нет-нет да и заглянет в них от скуки. Вечерами в избушке становилосьлюдно и шумно. Рыбаки ужинали, курили, щёлкали орехи, рассказывали были и небылицы. К ночи на полу лежал толстый слой ореховой скорлупы. Трещала она под ногами, как осенний ледок на лужах.

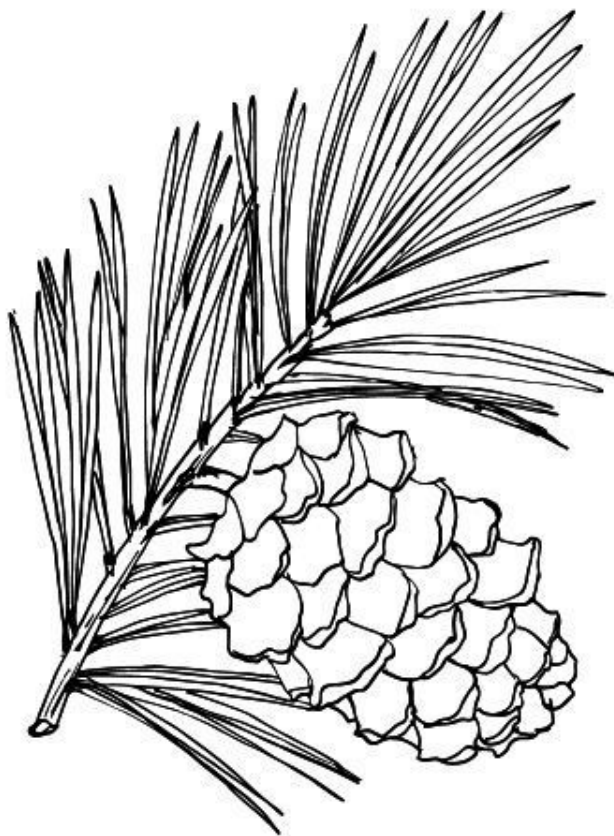
Орехами рыбаков снабжал Васютка. Все ближние кедры он уже обколотил. С каждым днём приходилось забираться всё дальше и дальше в глубь леса. Но эта работа была не в тягость. Мальчишке нравилось бродить. Ходит себе по лесу один, напевает, иногда из ружья пальнёт.

Васютка проснулся поздно. В избушке одна мать. Дедушка Афанасий ушёл куда-то. Васютка поел, полистал учебники, оборвал листок календаря и с радостью отметил, что до первого сентября осталось всего десять дней. Потом засобирался по кедровые шишки.

Мать недовольно сказала:

– К ученью надо готовиться, а ты в лесу пропадаешь.

– Чего ты, мамка? **Орехи кто-то должен добывать?** Должен. Охота ведь рыбакам пощёлкать вечером.

– «Охота, охота»! Надо орехов, так пусть сами ходят. Привыкли парнишкой помыкать да сорить в избе.

Мать ворчит по привычке, потому что ей не на кого больше ворчать.

Когда Васютка с ружьём на плече и с патронташем па поясе, похожий на коренастого, маленького мужичка, вышел из избы, мать привычно строго напоминала:

– Ты от затесей далеко не отходи – сгинешь. Хлеба взял ли с собой?

– Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

– Не разговаривай! На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал ещё таёжные законы переиначивать.

Тут уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идёшь в лес – бери еду, бери спички.

Васютка покорно сунул краюшку в мешок и поспешил исчезнуть с глаз матери, а то ещё придерётся к чему-нибудь.

Весело насвистывая, шёл он по **тайге**, следил за пометками на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая таёжная дорога начинается с затесей. Сделает человек зарубку на одном дереве, отойдёт немного, ещё топором тукнет, потом ещё. За этим человеком пойдут другие люди; собьют каблуками мох с валежин, притопчут траву, ягодники, отпечатают следы в грязи, и получится тропинка. Лесные тропинки узенькие, извилистые, что мор-

щинки на лбу дедушки Афанасия. Только иные тропинки зарастают со временем, а уж морщинки-то на лице едва ли зарастут. Склонность к пространным рассуждениям, как у всякого таёжника, рано появилась у Васютки. Он ещё долго думал бы о дороге и о всяких таежных разностях, если бы не скрипучее кряканье где-то над головой.

«Кра-кра-кра!...» – неслось сверху, будто тупой пилой резали крепкий сук. Васютка поднял голову. На самой вершине старой взлохмаченной ели увидел **кедровку**. Птица держала в когтях кедровую шишку и орала во всё горло. Ей так же горласто откликались подружки. Васютка не любил этих нахальных птиц. Он снял с плеча ружьё, прицелился и щёлкнул языком, будто на спуск нажал. Стрелять он не стал. Ему уже не раз драли уши за попусту сожжённые патроны. Трепет перед драгоценным «припасом» (так называют сибирские охотники порох и дробь) крепко вбит в сибиряков отроду.

– «Кра-кра»! – передразнил Васютка кедровку и запустил в неё палкой.

Досадно было парню, что не может он долбануть птицу, даром что ружье в руках. Кедровка перестала кричать, неторопливо ощипалась, задрала голову, и по лесу снова понеслось её скрипучее «кра!».

– Тыфу, ведьма проклятая! – выругался Васютка и пошёл.

Ноги мягко ступали по мху. На нём там и сям валялись шишки, попорченные кедровками. Они напоминали комочки сотов. В некоторых отверстиях шишек, как пчёлки, торчали орехи. Но пробовать их бесполезно. Удивительно чуткий клюв у кедровки: пустые орехи птица даже не вынимает из гнёздышка. Васютка поднял одну шишку, осмотрел её со всех сторон и покачал головой:

– Эх и пакость же ты!

Бранился Васютка так, для солидности. Он ведь знал, что кедровка – птица полезная: она разносит по тайге семена кедра.

Наконец Васютка облюбывал дерево и полез на него. Намётанным глазом он определил: там, в густой хвое, упрятались целые выводки смолистых шишек. Он принялся колотить ногами по разлапистым веткам кедра. Шишки так и посыпались вниз.

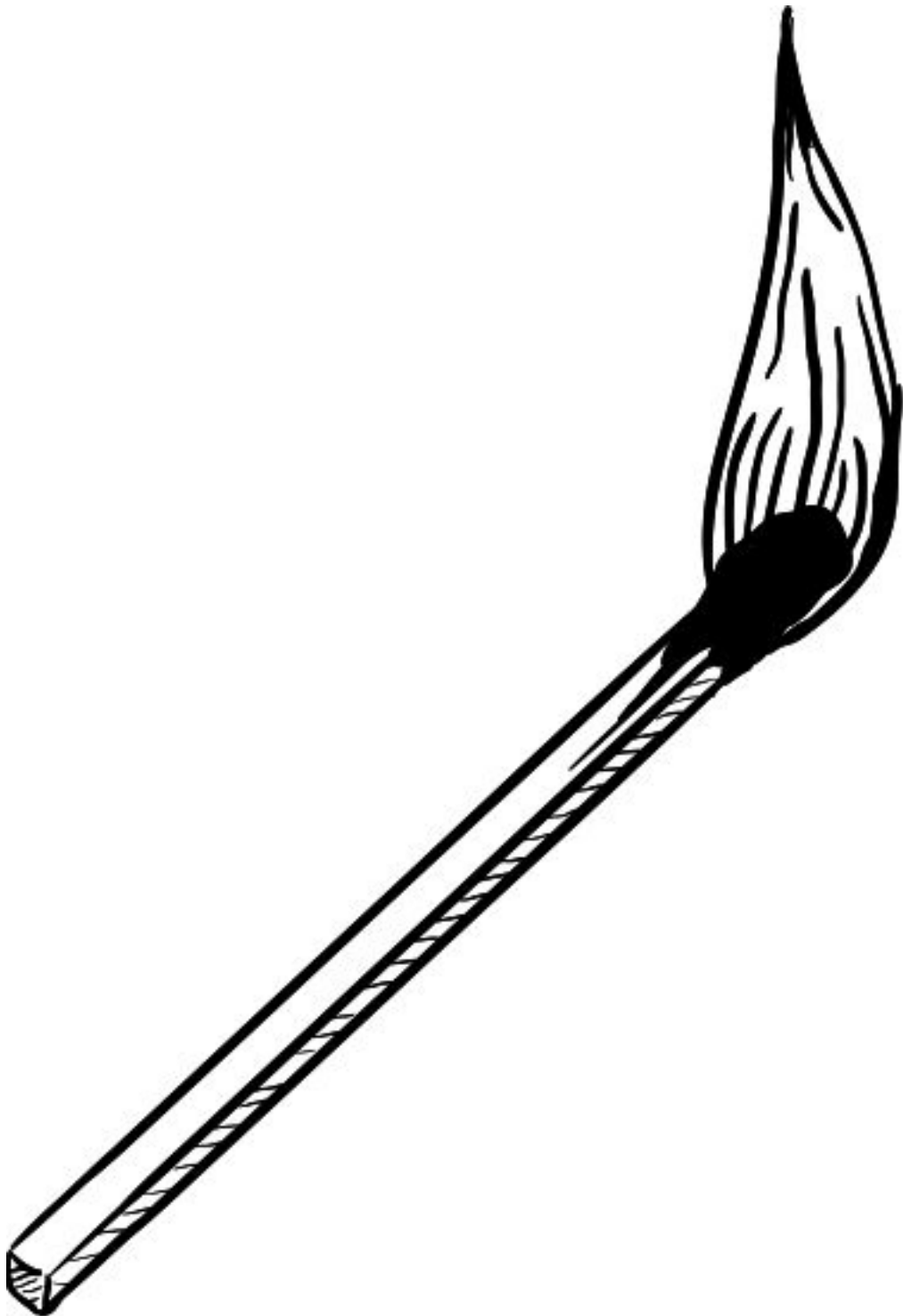
Кедровка

Васютка слез с дерева, собрал их в мешок и, не торопясь, закурил. Попыхивая сигаркой, оглядел окружающий лес и облюбовал ещё один кедр.

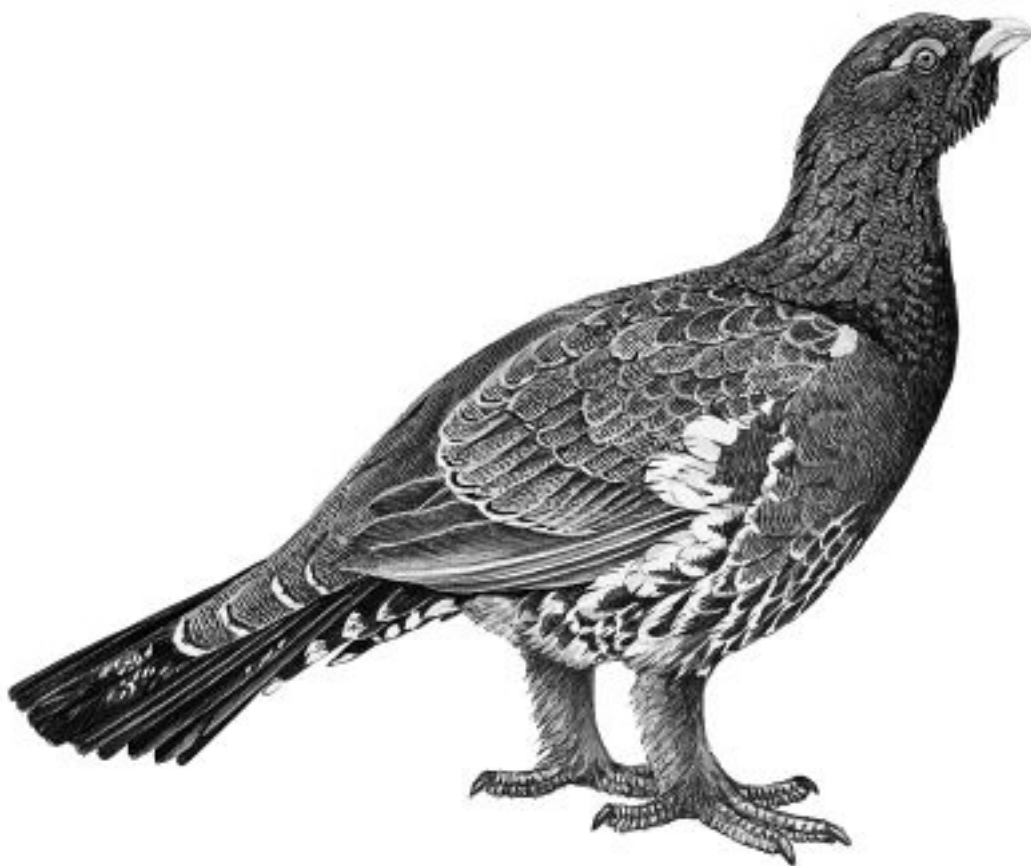
– Обобью и этот, – сказал он. – Тяжеловато будет, пожалуй, да ничего, донесу.

Он **тщательно заплевал сигарку, придавил её каблуком** и пошёл. Вдруг впереди Васютки что-то сильно захлопало. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел поднимающуюся с земли большую чёрную птицу. «**Глухарь!**» – догадался Васютка, и сердце его

замерло. Стрелял он и уток, и куликов, и куропаток, но глухаря подстрелить ему ещё не доводилось.

Глухарь перелетел через мшистую поляну, вильнул между деревьями и сел на сухостойну. Попробуй подкрадись!

Мальчик стоял неподвижно и не спускал глаз с огромной птицы. Вдруг он вспомнил, что глухаря часто берут с собакой. Охотники рассказывали, что глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит вниз, на заливающуюся лаем собаку, а порой и подраживает её. Охотник тем временем незаметно подходит с тыла и стреляет. Васютка же, как назло, не позвал с собою Дружка. Обругав себя шёпотом за оплошность, Васютка пал на четвереньки, затыкал, подражая собаке, и стал осторожно продвигаться вперёд. От волнения голос у него прерывался. Глухарь замер, с любопытством наблюдая эту интересную картину. Мальчик расцарапал себе лицо, порвал телогрейку, но ничего этого не замечал. Перед ним наяву глухарь!

...Пора! Васютка быстро встал на одно колено и попытался с маху посадить на мушку забеспокоившуюся птицу. Наконец унялась дрожь в руках, мушка перестала плясать, кончик её задел глухаря... Тр-рах! – и чёрная птица, хлопая крыльями, **полетела в глубь леса.**

«Ранил!» – восторженно воскликнул Васютка и бросился за подбитым глухарём.

Только теперь он догадался, в чём дело, и начал беспощадно корить себя:

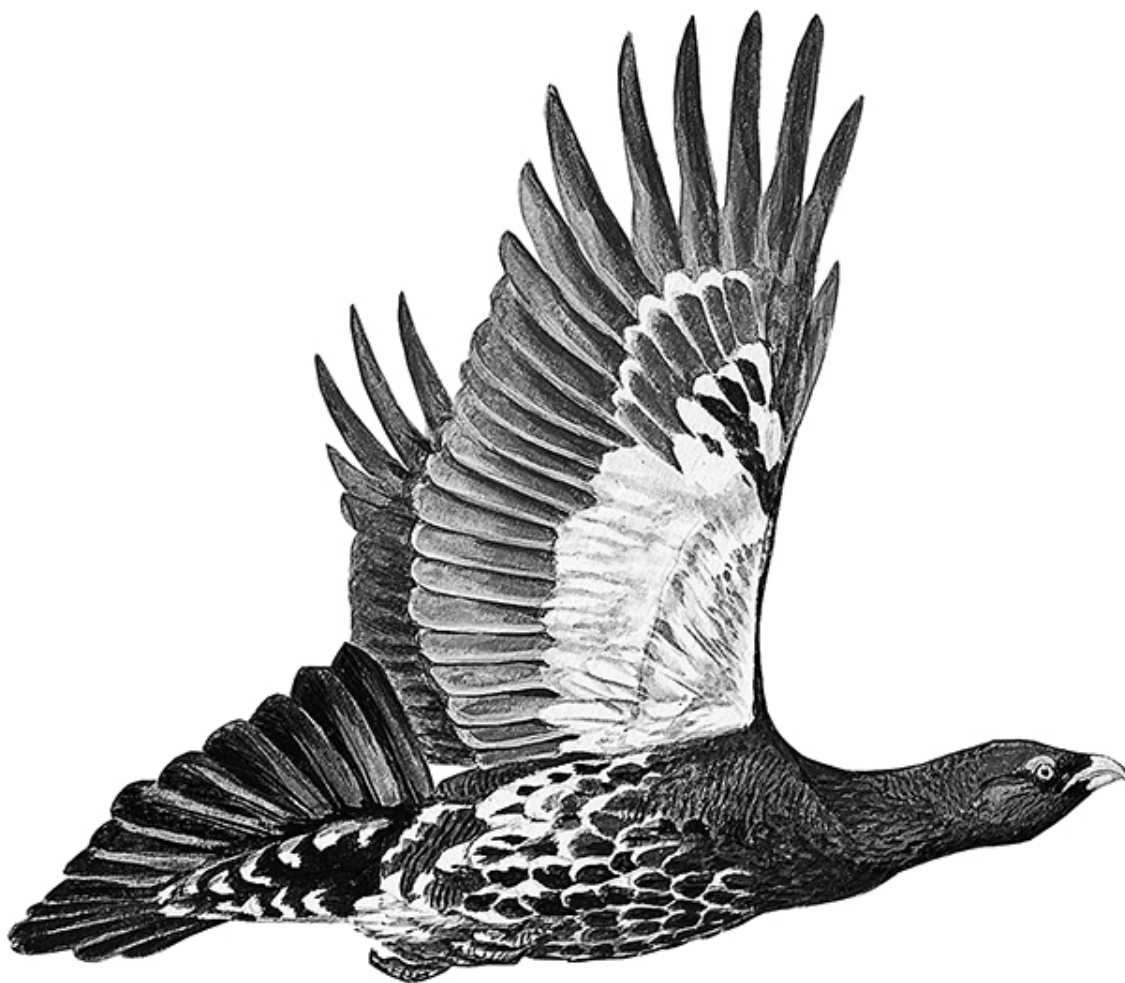
– Мелкой дробью грохнул. А что ему мелкой-то? **Он чуть не с Дружка!..**

Птица уходила небольшими перелётами. Они становились всё короче и короче. Глухарь слабел. Вот он, уже не в силах поднять грузное тело, побежал.

«Теперь всё – догоню!» – уверенно решил Васютка и припустил сильнее. До птицы оставалось совсем недалеко. Быстро скинув с плеча мешок, Васютка поднял ружьё и выстрелил. В несколько прыжков очутился возле глухаря и упал на него животом.

– Стоп, голубчик, стоп! – радостно бормотал Васютка. – Не уйдёшь теперь! Ишь, какой прыткий! Я, брат, тоже бегаю – будь здоров!

Васютка с довольной улыбкой гладил глухаря, любуясь чёрными с голубоватым отливом перьями. Потом взвесил на руке. «Килограммов пять будет, а то и полпуда, – прикинул он и сунул птицу в мешок. – Побегу, а то мамка наподдаст по загривку».

Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шёл по лесу, насвистывал, пел, что на ум приходило.

Вдруг он спохватился: где же затеси? Пора уж им быть.

Он посмотрел кругом. Деревья ничем не отличались от тех, на которых были сделаны зарубки. Лес стоял неподвижно, тихий в своей унылой задумчивости, такой же редкий, полуголый, сплошь хвойный. Лишь кое-где **виднелись хилые берёзки** с редкими жёлтыми листьями. Да, лес был такой же. И всё же от него веяло чем-то чужим...

Васютка круто повернул назад. Шёл он быстро, внимательно присматриваясь к каждому дереву, но знакомых зарубок не было.

– Ффу-ты, чёрт! Где же затеси? – Сердце у Васютки сжалось, на лбу выступила испарина. – Всё этот глухарина! Понёсся, как леший, теперь вот думай, куда идти, – заговорил Васютка вслух, чтобы отогнать подступающий страх. – Ничего, сейчас посоображаю и найду дорогу. Та-ак... Почти голая сторона у ели – **значит, в ту сторону север, а где ветвей больше – юг.** Та-ак...

После этого Васютка пытался припомнить, на какой стороне деревьев сделаны зарубки старые и на какой – новые. Но этого-то он и не приметил. Затеси и затеси.

– Эх, дубина!

Страх начал давить ещё сильнее. Мальчик снова заговорил вслух:

– Ладно, не робей. Найдём избушку. Надо идти в одну сторону. На юг надо идти. У избушки Енисей поворот делает, мимо никак не пройдёшь. Ну вот, всё в порядке, а ты, чудак, боялся! – хохотнул Васютка и бодро скомандовал себе: – Шагом арш! Эть, два!

Но бодрости хватило ненадолго. Затесей всё не было и не было. Порой мальчику казалось, что он ясно видит их на тёмном стволе. С замирающим сердцем бежал он к дереву, чтобы пощупать рукой **зарубку с капельками смолы**, но вместо неё обнаруживал шершавую складку коры. Васютка уже несколько раз менял направление, высыпал из мешка шишки и шагал, шагал...

В лесу сделалось совсем тихо. Васютка остановился и долго стоял прислушиваясь. Тук-тук-тук, тук-тук-тук... – билось сердце. Потом напряжённый до предела слух Васютки уловил какой-то странный звук. Где-то слышалось жужжание. Вот оно замерло и через секунду снова донеслось, как гудение далёкого самолёта. Васютка нагнулся и увидел у ног своих истлевшую тушку птицы. Опытный охотник – паук растянул над мёртвой птичкой паутину. Паука уже нет – убрался, должно быть, **зимовать в какое-нибудь дупло**, а ловушку бросил. Попалась в неё сытая, крупная муха-плевок и бьётся, бьётся, жужжит слабеющими крыльями. Что-то начало беспокоить Васютку при виде беспомощной мухи, влипшей в тенета. И тут его будто стукнуло: да ведь он заблудился!

Открытие это было настолько простым и потрясающим, что Васютка не сразу пришёл в себя.

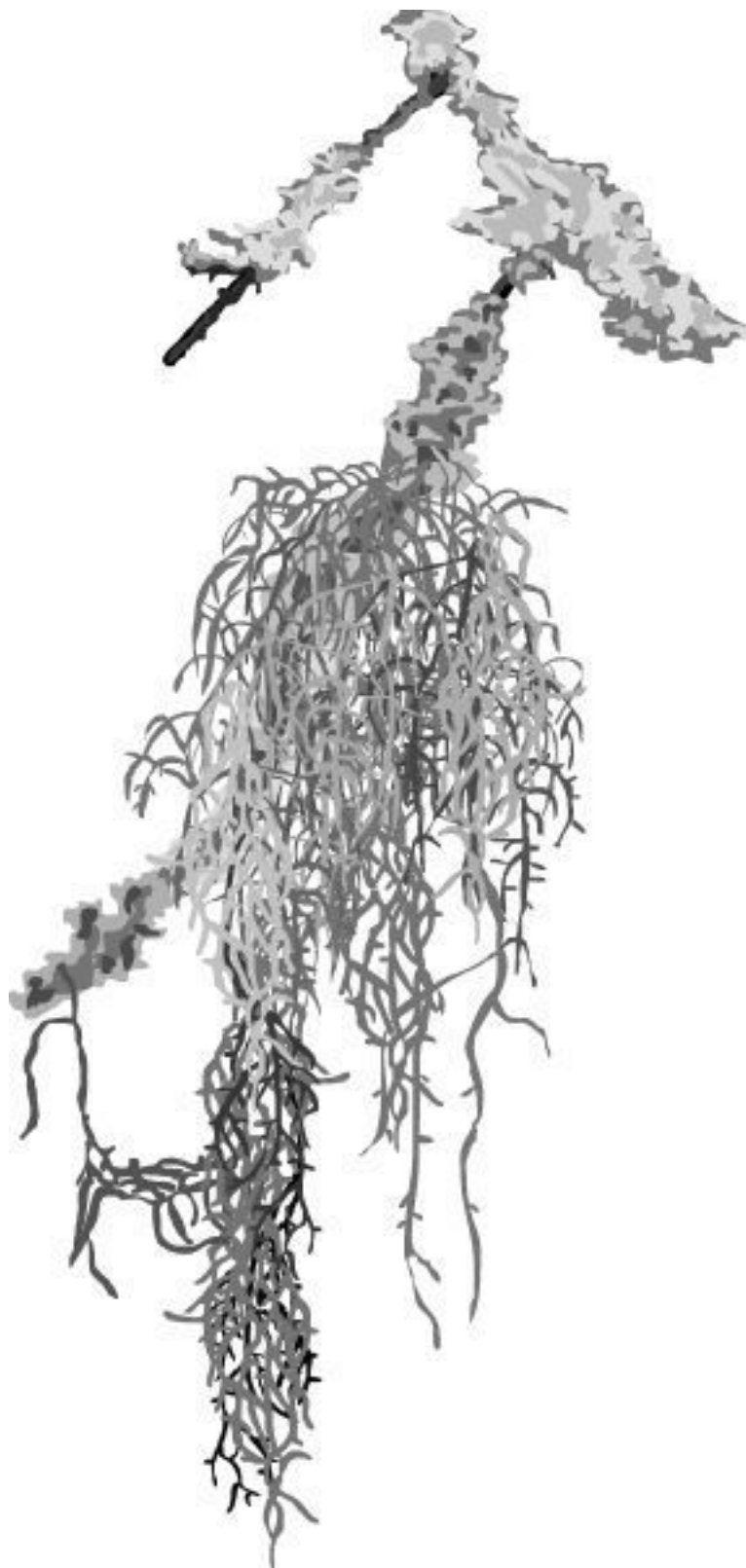
Он много раз слышал от охотников страшные рассказы о том, как блуждают люди в лесу и погибают иногда, но представлял это совсем не так. Уж очень просто всё получилось. Васютка ещё не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто.

Оцепенение длилось до тех пор, пока Васютка не услышал какой-то таинственный шорох в глубине потемневшего леса. Он вскрикнул и бросился бежать. Сколько раз он спотыкался, падал, вставал и снова бежал, Васютка не знал. Наконец он заскочил в бурелом и начал с треском продираться сквозь сухие колючие ветви. Потом упал с валежин вниз лицом в сырой мох и замер. Отчаяние охватило его, и сразу не стало сил. «Будь что будет», – отрешённо подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею и холод. Васютка почувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда.

«Тайга, наша кормилица, хлипких не любит!» – вспомнились ему слова отца и дедушки. И он стал припоминать всё, чему его учили, что знал из рассказов рыбаков и охотников. Перво-наперво надо развести огонь. Ладно, что спички захватил из дому. Пригодились спички.

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, ощупью сорвал **пучок сухого мха-бородача**, искрошил мелко сучки, сложил всё в кучку и поджёг. Огонёк, покачиваясь, неуверенно пополз по сучкам. Мох вспыхнул – вокруг посветлело. Васютка подбросил ещё веток. Между деревьями зашарахались тени, темнота отступила подальше. Монотонно зудя, **на огонь налетело несколько комаров** – веселее с ними. Надо было запастись на ночь дровами. Васютка, не щадя рук, наломал сучьев, приволок сухую валежину, выворотил старый пенёк. Вытащив из мешка краюшку хлеба, вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка». Ему тоже захотелось плакать, но он переборол себя и, ошипав глухаря, начал перочинным ножиком потрошить его. Потом сгрёб костёр в сторону, на горячем месте выкопал ямку и положил туда птицу. Плотно закрыв её мхом, присыпал горячей землёй, золой, углями, сверху положил пылающие головни и подбросил дров.

Через час примерно он раскопал глухаря. От птицы шёл пар и аппетитный запах: глухарь упрел в собственном соку – охотничье блюдо! **Но без соли какой же вкус!** Васютка через силу глотал пресное мясо.

– Эх, дурило, дурило! Сколько этой соли в бочках на берегу! Что стоило горсточку в карман сыпануть! – укорял он себя.

Потом вспомнил, что мешок, который он взял для шишек, был из-под соли, и торопливо вывернул его. Из уголков мешка он выковырял щепотку грязных кристалликов, раздавил их на прикладе ружья и через силу улыбнулся:

– Живём!

Поужинав, Васютка сложил остатки еды в мешок, повесил его на сук, чтобы **мыши** или кто-нибудь ещё не добрался до харчей, и принялся готовить место для ночлега. Он перенёс в сторону костёр, убрал все угольки, набросал веток с хвоей, мху и лёг, накрывшись телогрейкой.

Снизу подогревало.

Занятый хлопотами, Васютка не так остро чувствовал одиночество. Но стоило лечь и задуматься, как тревога начала одолевать с новой силой. Заполярная тайга не страшна зверём. Медведь здесь редкий житель. **Волков нет.** Змей – тоже. Бывает, встречаются рыси

и **блудливые песцы**. Но осенью корма для них полно в лесу, и едва ли они могли бы позариться на Васюткины запасы. И всё-таки было жутко. Он зарядил одноствольную переломку, взвёл курок и положил ружьё рядом. Спать! Не прошло и пяти минут, как Васютка почувствовал, что к нему кто-то крадётся. Он открыл глаза и замер: да, крадётся! Шаг, второй, шорох, вздох... Кто-то медленно и осторожно идёт по мху. Васютка боязливо поворачивает голову и неподалеку от костра видит что-то тёмное, большое. Сейчас оно стоит, не шевелится. Мальчик напряжённо вглядывается и начинает различать вздетые к небу не то руки, не то лапы. Васютка не дышит: «Что это?» В глазах от напряжения рябит, нет больше сил сдерживать дыхание. Он вскакивает, направляет ружьё на это тёмное:

– Кто такой? А ну подходи, не то садану картечью!

В ответ ни звука. Васютка ещё некоторое время стоит неподвижно, потом медленно опускает ружьё и облизывает пересохшие губы. «В самом деле, что там может быть?» – мучается он и ещё раз кричит:

– Я говорю, не прячься, а то хуже будет!

Тишина. Васютка рукавом утирает пот со лба и, набравшись храбрости, решительно направляется в сторону тёмного предмета.

– Ох, окаянный! – облегченно вздыхает он, увидев перед собой огромный корень-выворотень. – Ну и трус же я! Чуть ума не лишился из-за этакой чепухи.

Чтобы окончательно успокоиться, он отламывает отростки от корневища и несёт их к костру.

Коротка августовская ночь в Заполярье. Пока Васютка управился с дровами, густая, как смоль, темень начала редеть, прятаться в глубь леса. Не успела она ещё совсем рассеяться, а на смену ей уже выполз туман. Стало холоднее. Костёр от сырости зашипел, защёлкал, принялся чихать, будто сердился на волглую пелену, окутавшую всё вокруг. Комары, надоедавшие всю ночь, куда-то исчезли. Ни дуновения, ни шороха.

Всё замерло в ожидании первого утреннего звука. Что это будет за звук – неизвестно. Может быть, робкий свист пичужки или лёгкий шум ветра в вершинах бородатых елей и корявых лиственниц, может быть, застучит по дереву дятел или **протрубит дикий олень**. Что-то должно родиться из этой тишины, кто-то должен разбудить сонную тайгу. Васютка зябко поёжился, придвинулся ближе к костру и крепко заснул, так и не дождавшись утренней весточки. Солнце уже было высоко. Туман росой пал на деревья, на землю, мелкая пыль искрилась всюду.

«Где это я?» – изумлённо подумал Васютка, окончательно проснувшись, услышал ожившую тайгу.

По всему лесу озабоченно кричали кедровки на манер базарных торговки. Где-то по-детски заплакала **желна**. Над головой Васютки, хлопотливо попискивая, потрошили

синички старое дерево. Васютка встал, потянулся и спугнул кормившуюся белку. Она, всполошённо цокая, пронеслась вверх по стволу ели, села на сучок и, не переставая цокать, **установилась на Васютку**.

– Ну, чего смотришь? Не узнала? – с улыбкой обратился к ней Васютка.

Белка пошевелила пушистым хвостиком.

– А я вот заблудился. Понёсся сдуру за глухарём и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревёт... Не понимаешь ты ничего, толкуй с тобой! А то бы сбегала, сказала нашим, где я. Ты вон какая проворная! – Он помолчал и махнул рукой: – Убирайся давай, рыжая, стрелять буду!

Васютка вскинул ружьё и выстрелил в воздух. Белка, будто пушинка, подхваченная ветром, метнулась и пошла считать деревья. Проводив её взглядом, Васютка выстрелил ещё раз и долго ждал ответа. Тайга не откликалась. По-прежнему надоедливо, вразной горла-нили кедровки, неподалеку трудился дятел да пощёлкивали капли росы, осыпаясь с дере-вьев.

Патронов осталось десять штук. Стрелять Васютка больше не решился. Он снял тело-грейку, бросил на неё кепку и, поплевав на руки, полез на дерево. Тайга... Тайга... Без конца и края тянулась она во все стороны, молчаливая, равнодушная. С высоты она каза-лась огромным тёмным морем. Небо не обрывалось сразу, как это бывает в горах, а тянулось далеко-далеко, всё ближе прижимаясь к вершинам леса. Облака над головой были редкие, но чем дальше смотрел Васютка, тем они делались гуще, и наконец голубые проёмы исчезли совсем. Облака спрессованной ватой ложились на тайгу, и она растворялась в них.

Долго Васютка отыскивал глазами жёлтую полосу лиственника среди неподвиж-ного зелёного моря (**лиственный лес обычно тянется по берегам реки**), но кругом тем-нел сплошной хвойник. Видно, Енисей и тот затерялся в глухой, угрюмой тайге. Малень-ким-маленьким почувствовал себя Васютка и закричал с тоской и отчаянием:

– Э-эй, мамка! Папка! Дедушка! Заблудился я!..

Голос его пролетел немного над тайгой и упал невесомо – кедровой шишкой в мох. Медленно спустился Васютка с дерева, задумался, да так и просидел с полчаса. Потом встряхнулся, отрезал мяса и, стараясь не смотреть на маленькую краюшку хлеба, принялся жевать. Подкрепившись, он собрал кучу кедровых шишек, размял их и стал насыпать в карманы орехи. Руки делали своё дело, а в голове решался вопрос, один-единственный вопрос: «Куда идти?» Вот уж и карманы полны орехов, патроны проверены, к мешку вместо лямки

приделан ремень, а вопрос всё ещё не решён. Наконец Васютка забросил мешок за плечо, постоял с минуту, как бы прощаясь с обжитым местом, и пошёл строго на север. Рассудил он просто: в южную сторону тайга тянется на тысячи километров, в ней вовсе затеряешься. А если идти на север, то километров через сто лес кончится, начнётся тундра. Васютка понимал, что выйти в **тундру** – это ещё не спасение. Поселения там очень редки, и едва ли скоро наткнёшься на людей. Но ему хотя бы выбраться из лесу, который загораживает свет и давит своей угрюмостью.

Погода держалась всё ещё хорошая. Васютка боялся и подумать о том, что с ним будет, если разбухнет осень. По всем признакам ждать этого осталось недолго. Солнце пошло на закат, когда Васютка заметил среди однообразного мха тощие стебли травы. Он прибавил шагу. Трава стала попадаться чаще и уже не отдельными былинками, а пучками. Васютка заволновался: **трава растёт обычно вблизи больших водоёмов**. «Неужели впереди Енисей?» – с наплывающей радостью думал Васютка. Заметив меж хвойных деревьев берёзки, осинки, а дальше мелкий кустарник, он не сдержался, побежал и скоро ворвался в густые заросли черёмушника, **ползучего тальника**, смородинника. Лицо и руки жалила высокая крапива, но Васютка не обращал на это внимания и, защищая рукой глаза от гибких ветвей, с треском продирался вперёд. Меж кустов мелькнул просвет.

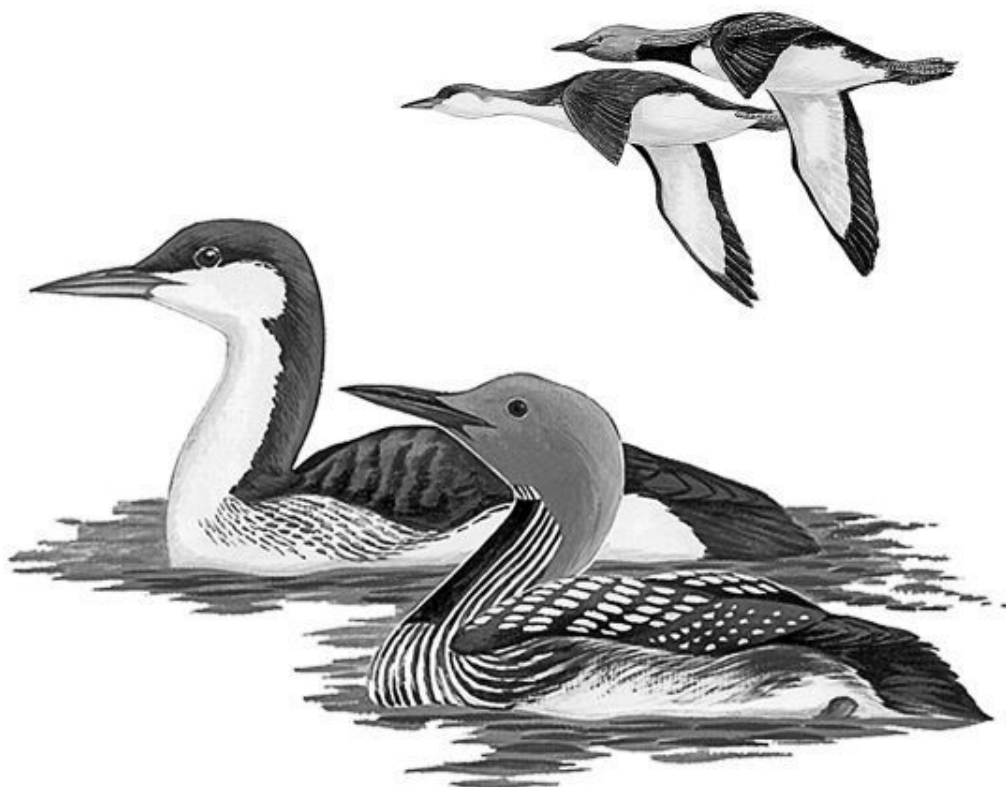

Впереди берег... Вода! Не веря своим глазам, Васютка остановился. Так он простоял некоторое время и почувствовал, что ноги его вязнут. Болото! Болота чаще всего бывают у берегов озёр. Губы Васютки задрожали: «Нет, неправда! Бывают болота возле Енисея тоже». Несколько прыжков через чащу, крапиву, кусты – и вот он на берегу.

Нет, это не Енисей. Перед глазами Васютки небольшое унылое озеро, подёрнутое у берега ряской.

Васютка лёг на живот, отгрёб рукою зелёную кашицу ряски и жадно припал губами к воде. Потом он сел, усталым движением снял мешок, начал было вытирать кепкой лицо и вдруг, вцепившись в неё зубами, навзрыд расплакался.

Заночевать решил Васютка на берегу озера. Он выбрал посуше место, натаскал дров, развёл огонь. С огоньком всегда веселее, а в одиночестве – тем более. Обжарив в костре шишки, Васютка одну за другой выкатил их из золы палочкой, как печёную картошку. От орехов уже болел язык, но он решил: пока хватит терпения, не трогать хлеб, а питаться орехами, мясом, чем придётся.

Чернозобые гагары

Опускался вечер. Сквозь густые прибрежные заросли на воду падали отблески заката, тянулись живыми струями в глубину и терялись там, не достигая дна. Прощаясь со днём, кое-где с грустью тинькали синички, плакала сойка, **стонали гагары**. И всё-таки у озера было куда веселее, чем в гуще тайги. Но здесь ещё сохранилось много комаров. Они начали донимать Васютку. Отмахиваясь от них, мальчик внимательно следил за ныряющими на озеро утками. Они были совсем не пуганы и плавали возле самого берега с хозяйским побрякиванием. Уток было множество. Стрелять по одной не было никакого расчёта. Васютка, прихватив ружьё, отправился на мысок, вдававшийся в озеро, и сел на траву. Рядом с осокой, на гладкой поверхности воды, то и дело расплывались круги. Это привлекло внимание мальчика. Васютка взглянул в воду и замер: около травы, плотно, одна к другой, пошевеливая жабрами и хвостами, копошились рыбы. Рыбы было так много, что Васютку взяло сомнение: «Водоросли, наверно?» Он потрогал траву палкой. Косяки рыбы подались от берега и снова остановились, лениво работая плавниками. Столько рыбы Васютка ещё никогда не видел. И не просто какой-нибудь озёрной рыбы: щуки там, сороги или окуня. Нет, по широким спинам и белым бокам он узнал пелядей, чиров, сегов. Это было удивительнее всего. В озере – **белая рыба**! Васютка сдвинул свои густые брови, силясь что-то припомнить. Но в этот момент табун **уток-связей** отвлек его от размышлений. Он подождал, пока утки поравняются с мысом, выцелил пару и выстрелил. Две нарядные связи опрокинулись кверху брюшками и часто-часто задвигали лапками. Ещё одна утка, оттопырив крыло, боком уплывала от берега. Остальные всполошились и с шумом полетели на другую сторону озера. Минут десять над водой носились табуны перепуганных птиц. Пару подбитых уток мальчик достал длинной палкой, а третья успела уплыть далеко.

– Ладно, завтра достану, – махнул рукой Васютка.

Небо уже потемнело, в лес опускались сумерки. Середина озера напоминала сейчас раскалённую печку. Казалось, положи на гладкую поверхность воды ломтики картошки, они мигот испекутся, запахнет горелым и вкусным. Васютка проглотил слюну, ещё раз поглядел на озеро, на кроваvistое небо и с тревогой проговорил:

– Ветер завтра будет. А вдруг ещё с дождём?

Он ошипал уток, зарыл их в горячие угли костра, лёг на пихтовые ветки и начал щёлкать орехи.

Заря догорала. В потемневшем небе стыли редкие неподвижные облака. Начали прорезаться звёзды. Показался маленький, похожий на ноготок, месяц. Стало светлее. Васютка вспомнил слова дедушки: «**Вызвездило – к холоду!**» – и на душе у него сделалось ещё тревожнее.

Чтобы отогнать худые мысли, Васютка старался думать сначала о доме, а потом ему вспомнилась школа, товарищи.

Васютка дальше Енисея ещё никогда не бывал и видел только один город – Игарку. А много ли в жизни хотелось узнать и увидеть Васютке? Много. Узнает ли? Выберется ли из тайги? Затерялся в ней точно песчинка. А что теперь дома? Там, за тайгой, люди словно в другом мире: смотрят кино, едят хлеб... может, даже конфеты. Едят сколько угодно. В школе сейчас, наверное, готовятся встречать учеников. Над школьными дверями уже вывешен новый плакат, на котором крупно написано: «Добро пожаловать!»

Совсем приуныл Васютка. Жалко ему самого себя стало, начало донимать раскаяние. Не слушал вот он на уроках и в перемену чуть не на голове ходил, покуривал тайком. В школу съезжаются ребята со всей округи: тут и **эвенки**, тут и **ненцы**, и **нганасаны**. У них свои привычки. Бывало, достанет кто-нибудь из них на уроке трубку и без лишних рассуждений закуривает. Особенно грешат этим малыши – первоклассники. Они только что из тайги и никакой дисциплины не понимают. Станет учительница Ольга Фёдоровна толковать такому ученику насчёт вредности курева – он обижается; трубку отберут – ревёт. **Сам Васютка тоже покуривал** и им табачок давал.

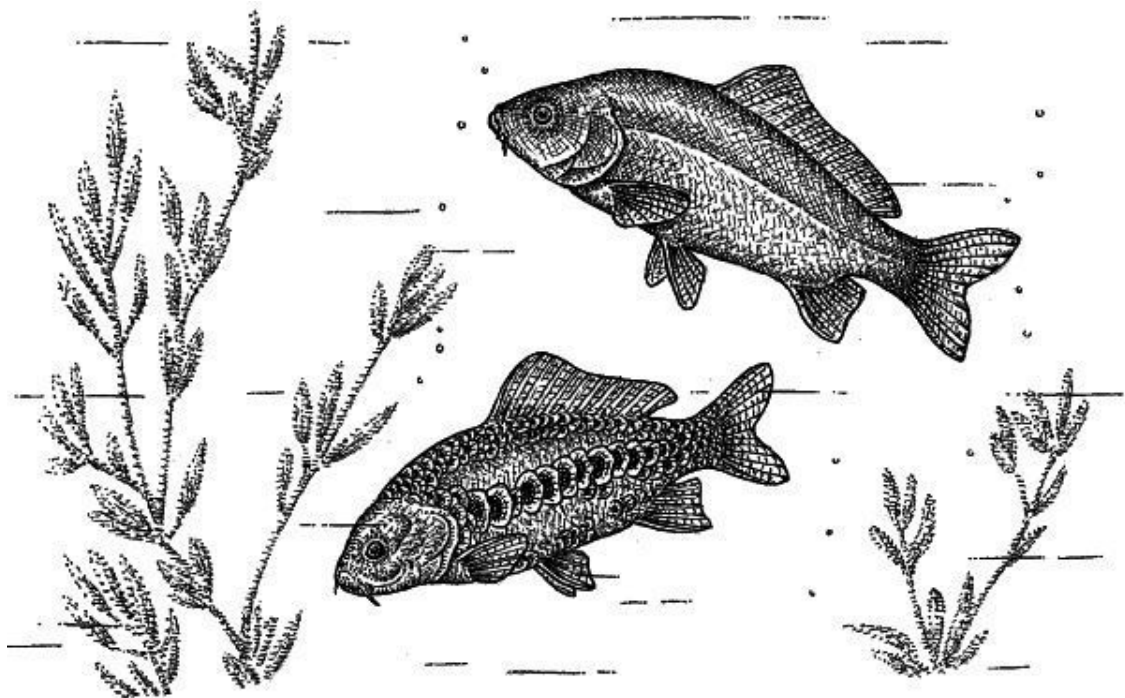
– Эх, сейчас бы Ольгу Фёдоровну увидеть... – думал Васютка вслух. – Весь бы табак вытряхнул...

Устал Васютка за день, но сон не шёл. Он подбросил в костёр дров, снова лёг на спину. Облака исчезли. Далёкие и таинственные, перемигивались звёзды, словно звали куда-то. Вот одна из них ринулась вниз, прочертила тёмное небо и тут же растаяла. «Погасла звёздочка – значит, жизнь чья-то оборвалась», – вспомнил Васютка слова дедушки Афанасия.

Совсем горько стало Васютке.

«Может быть, увидели её наши?» – подумал он, натягивая на лицо телогрейку, и вскоре забылся беспокойным сном.

Проснулся Васютка поздно, от холода, и не увидел ни озера, ни неба, ни кустов. Опять кругом был клейкий, неподвижный туман. Только слышались с озера громкие и частые шлепки: **это играла и кормилась рыба**. Васютка встал, поёжился, раскопал уток, раздул угольки. Когда костёр разгорелся, он погрел спину, потом отрезал кусочек хлеба, взял одну утку и принялся торопливо есть. Мысль, которая вчера вечером беспокоила Васютку, снова полезла в голову: «Откуда в озере столько белой рыбы?» Он не раз слышал от рыбаков, что в некоторых озёрах будто бы водится белая рыба, но озёра эти должны быть или были когда-то проточными. «А что, если?..»

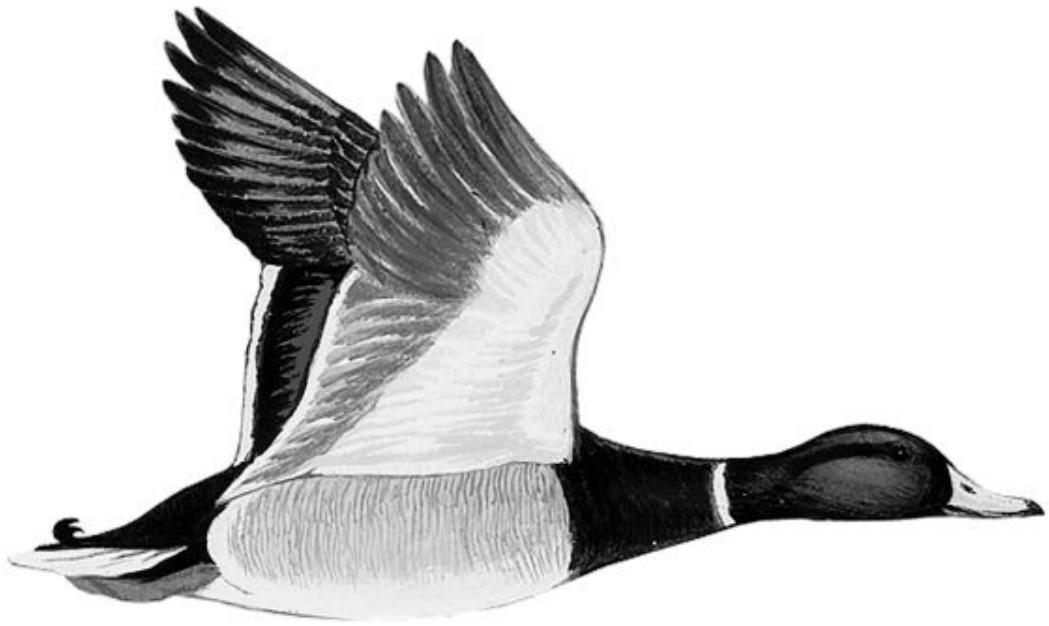

Да, если озеро проточное и из него вытекает речка, она в конце концов приведёт его к Енисею. Нет, лучше не думать. Вчера вон обрадовался – Енисей, Енисей, – а увидел шиш болотный. Не-ет, уж лучше не думать.

Покончив с уткой, Васютка ещё полежал у огня, пережидая, когда уляжется туман. Веки склеивались. Но и сквозь тягучую, унылую дремоту пробивалось: «Откуда всё же взялась в озере речная рыба?»

– Тыфу, нечистая сила! – выругался Васютка. – Привязалась как банный лист.

«Откуда, откуда!» Ну, может, **птицы икру на лапах принесли**, ну, может, и мальков, ну, может... А, к лешакам всё! – Васютка вскочил и, сердито треща кустами, натываясь в тумане на валежины, начал пробираться вдоль берега. Вчерашней убитой утки на воде не обнаружил, удивился и решил, что её коршун утащил или съели **водяные крысы**.

Васютке казалось, что в том месте, где смыкаются берега, и есть конец озера, но он ошибся. Там был лишь перешеек. Когда туман растворился, перед мальчиком открылось большое, мало заросшее озеро, а то, возле которого он ночевал, было всего-навсего заливом – отголоском озера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.